

«Высочайшая правда творчества»: современники о И. А. Бунине / подготовка, предисловие и примечание В. Перхина. — Текст : непосредственный // Нева. — 1995. — № 10. — С. 201-208.

седьмая тетрадь

По случаю юбилея

«ВЫСОЧАЙШАЯ ПРАВДА ТВОРЧЕСТВА»

Современники о И. А. Бунине

Уже в начале XX века разгорелись жаркие споры о таланте И. А. Бунина (1870—1953). Его обвиняли в «дворянской спеси» (А. Куприн) и недемократичности (М. Горький), а когда появилась повесть «Деревня» (1910), одни говорили о «барской слепоте» (А. Амфитеатров) и невнимании к революционному началу крестьянской жизни (В. Воровский), а другие — о ее глубоком и исторически верном изображении.

В 1920-е годы пестрота и противоречивость мнений не уменьшались, только резче обозначилась граница между поклонниками и ниспровергателями. В пореволюционном мире эту границу определяли политические пристрастия. Например, Д. Святополк-Мирский в 1922 году называл Бунина «русским Флобером», а спустя четыре года, вступая в политическую полемику с Буниным — противником большевистской власти в России, язвительно писал: «Бунин редкое явление большого гая, не связанного с большой личностью». Но если Святополк-Мирский никогда не отказывал Бунину в таланте, то «стоцентные» коммунистические критики из московских журналов навязывали читателю версию об упадке таланта Бунина в эмиграции.

В 1930-е годы в эпоху авторитарного властвования руководящим стало одно мнение: не каждый культурный человек нужен советской культуре, а только тот, кто действует по сталинским политическим чертежам. Поэтому даже относительно влиятельные М. Горький и Л. Толстой могли молвить доброе слово о Бунине только в частных письмах. Горький сообщал Р. Роллану, что считает Бунина «самым талантливым из всех современных русских писателей». Толстой виделся с Буниным в Париже в 1937 году. Но сказал об этом только в письме к И. Сталину 18 июня 1941 года. Доказывая необходимость помощи бедствующему Бунину, автор «Хождения по мукам» подчеркивал: «Мастерство Бунина для нашей литературы чрезвычайно важный пример — как нужно обращаться с русским языком, как нужно видеть предмет и пластически изображать его. Мы учимся у него мастерству слова, образности и реализму».

Публичная эстетическая оценка творчества Бунина могла появиться в те годы только в русской зарубежной печати. На ее страницах утверждалось мнение о непрерывном творческом росте писателя, была дана точная оценка «совершенно новой формы» его коротких рассказов, их духовного своеобразия. Наконец, было отмечено, что к началу тридцатых годов Бунин стал «много мягче, добрее» в изображении революционной России.

Читатель ниже публикуемых статей заметит, что их пафос восхищения талантом Бунина родствен мнению Горького и Толстого. Политика разъединяла, но гений Бунина объединял. Единство русской литературы и литературной мысли сохранялось и в тридцатые годы, ибо первоначальные основы творчества оставались неизблемыми: утверждение идеи добра и милосердия, глубокое раздумье над жизнью и пророческая тревога о судьбе исторической России.

Г. АДАМОВИЧ

Ив. Бунин. Последнее свидание¹

В книгу вошло семнадцать рассказов 1911—1913 годов.

Рассказы — деревенские. Разорившиеся помещики, мужики, нищие, бродяги, печальная и однообразная русская при-

рода, печальный и скудный быт. Об отношении Бунина к простому русскому народу много писали и спорили. Не раз упрекали его в злобном искажении, в «клевете». Между тем писателей более правдивых, чем Бунин, не много было в России. Но после пятидесяти лет идеализации и слащавости и рядом с благополучно процветающим советским «нео-